

Ху Цинь-эр опустила голову и на мгновение задумалась. Вспомнив, что ей всё ещё нужно будет использовать ароматические пластинки, она поняла, что по возвращении ей придётся срочно выяснить, что именно находится в них. Однако мысль о том, как достать пластинки с идентичным ароматом, вызвала у неё головную боль.

— Осмелюсь спросить, молодой господин, а если госпожа спросит об этом...

Гу Чжису не дождался, пока она вымолвит эти робкие слова. Он спокойно оперся голову на руку и с улыбкой произнёс:

— Скажи ей.

Сказав это, он даже не взглянул на погружившуюся в раздумья Ху Цинь-эр, а просто махнул рукой, давая понять, что она может уходить.

— Иди, тебе больше не нужно служить.

— Да, молодой господин.

Когда Ху Цинь-эр плотно закрыла за собой дверь, Гу Чжису подошёл к краю кровати, сел по-турецки, готовясь к практике внутреннего дыхания. Однако в уголках его губ внезапно появилась улыбка, и он прошептал почти беззвучно:

— Почему я должен скрывать, что меня подставили? Пусть он поскорее узнает. Думая, что я ничего не знаю, он сам принесёт мне эти ароматические пластинки. Кто знает, возможно, это меня даже порадует.

Едва он закрыл глаза и погрузился в медитацию, во дворе Линьцзян внезапно начался переполох из-за одной нефритовой подвески. Дом, который до этого жил шумом из-за беременности госпожи Синь, вскоре снова погрузился в тишину. Служанки и слуги, как внутри, так и снаружи покоев, дрожали от страха, боясь в этот момент вызвать гнев госпожи и навлечь на себя беду.

Если во дворе царила относительная тишина, то в главной комнате покоев Линьцзян воцарилась мёртвая тишина.

Полчаса назад госпожа Синь, бледная и измученная, лежала на кровати, потягивая успокаивающее лекарство, прописанное врачом. Её беременность сильно пострадала из-за последних событий, и в последнее время положение плода было нестабильным, даже шла кровь. Хотя её здоровье и было крепким, ей приходилось пить лекарства, чтобы выносить ребёнка. Этот младенец появился как нельзя вовремя — сразу после всех страданий Гу Хайтан. Наличие ребёнка позволяло удержать Гу Хайтан в клане Гу, и госпожа Синь испытывала благодарность к тому, кого носила под сердцем.

С трудом проглотив горькое лекарство, госпожа Синь отложила чашку и отправила в рот засахаренный фрукт. В этот момент она услышала, что снаружи что-то случилось. Когда её доверенная матушка Цзинь доложила о случившемся, гнев ударил ей в голову, перед глазами всё потемнело, и она едва не упала в обморок. Вскоре после этого Гу Вэньмянь в ярости ворвался в комнату, втащив Гу Хайтан, которая была вся в слезах и панике, а затем, не проронив ни слова, снова грозно вышел.

После его ухода служанки и слуги во дворе Линьцзян поняли, что случилось несчастье, и замерли на месте, не смея дышать, ожидая приказов госпожи Синь. Её лицо изменилось от

ярости к мрачности, а затем озарилось жестокостью. Госпожа Синь вызвала служанку из двора Яюнь и выпытала у Фанъюнь правду о том, что произошло. В ярости она впервые в жизни заставила свою законную дочь встать на колени, и та простояла так почти полчаса, прежде чем госпожа Синь махнула рукой.

Матушка Цзинь, заметив жест госпожи, поспешила удалить из комнаты всех прислужниц, сама же осталась у двери, плотно притворив её и осторожно став на ступеньки, чтобы никто не мог подслушать.

— Как ты могла быть такой глупой! Решила сама тайком выбраться из особняка, чтобы расправиться с той маленькой дрянью? А?

Увидев, что все служанки вышли, госпожа Синь больше не могла сдерживать гнев. Её пальцы, покрытые длинными накладками из черепахового панциря, слегка дрожали, когда она указывала на Гу Хайтан. Та сидела на полу, опустив глаза, с безучастным лицом — видимо, два подряд потрясения оглушили её. Госпожа Синь скрипела зубами:

— Тайком выбраться из особняка — ещё полбеды! Ты потратила золотые слитки, чтобы нанять уличных бандитов, а в итоге та дрянь осталась цела и невредима, а твою подвеску у неё отняли! Ты ни на что не годна! Вечно попадаешься в ловушки этой твари!

Гу Хайтан, услышав ворчание матери, словно очнулась от сна. До этого она смотрела, как служанки во дворе Яюнь собирают вещи, готовясь к переезду. Ещё не успев упаковать всю одежду и украшения, она увидела, как отец в ярости вбежал в комнату, совершенно не обращая внимания на её приличия, и просто потащил её за дверь.

Когда они шли по коридорам резиденции, множество служанок и слуг стало свидетелем этой сцены; они смущённо опускали глаза, боясь встретиться с ней взглядом. Но этого позора казалось недостаточно. Отец затащил её за ширму в главном зале и грубо приказал слушать, после чего в зал вошёл человек, одетый как нищий.

От человека исходила такая вонь, что Гу Хайтан чуть не лишилась чувств. Она хотела отступить назад, но её заметили. Этот нахал, не стесняясь, подошёл к ширме и заявил, что станет её будущим мужем, а в доказательство показал нефритовую подвеску в форме бегонии, которая была у неё с детства. Он требовал её карточку с гороскопом для сватовства!

Нефритовая подвеска в форме цветка бегонии действительно была с неё с детства. Но после того случая, когда она тайком выбралась из дома, и на неё напали бандиты, подвеска пропала. Она всё это время тайком искала её, не смея признаться родителям. И вот, прежде чем она успела её найти, кто-то явился с её личной подвеской, чтобы просить её руки! Да ещё и такой ничтожный человек! Она скорее умрёт, чем выйдет за него замуж!

К счастью, отец привёл её сюда не затем, чтобы выдать замуж, а лишь чтобы она засвидетельствовала кражу подвески. Но потеря личной вещи для девушки — дело серьёзное, особенно для знатного рода Гу. Потерять подвеску — всё равно что потерять жизнь.

К тому же, благородные девицы не должны выходить из женских покоев. Охрана резиденции князя И слишком строга, кто смог бы вынести подвеску из дома? Стало быть, всё ясно: Гу Хайтан потеряла её сама, и как назло, нищий её нашёл, узнал владельца и решил нагло заявиться, чтобы потребовать руку хозяйки.

Гу Хайтан, вспомнив об этом, задрожала. После истории с Синь Линьхуа она стала пугливой, как напуганная птица. Теперь, когда мать выпытала правду, она разрыдалась, и в её глазах

читались злоба и ненависть. Она указала в сторону двора Жунли и громко закричала:

— Мама... Я просто хотела... хотела лишить ту дрянь чистоты! Но кто знал, что эти люди внезапно изменят планы... Нет, это точно та дрянь вмешалась! Иначе как бы я оказалась в таком положении!

— Та дрянь, конечно, вмешалась! Иначе эти бандиты не отпустили бы тебя так легко, а наделали бы худшего — они лишь забрали твою подвеску!

Госпожа Синь, представив по словам Фанъюнь ту сцену, поняла, что дочь обманули. Её лицо потемнело, и она с силой ударила ногтем по столу, так как черепаховая накладка сломалась пополам.

— Скажи мне! Кто ещё знал о том, что ты наняла бандитов за золотые слитки, кроме твоих служанок?

— Знали... знали только мои служанки и несколько слуг, которые бегали по поручениям... — Гу Хайтан, услышав этот вопрос, почувствовала, что голова у неё пуста. Но, старательно припоминая, она вдруг о чём-то догадалась и, подняв голову, посмотрела на мать с ненавистью.

— Мама, я вспомнила! Это точно Вэй Сянь и Вэй Ю! Вэй Сянь тогда взял золотые слитки и пошёл к тем бандитам... А потом Вэй Ю и Вэй Сянь внезапно оказались под защитой Старой госпожи, и их забрали!

— Так вот оно что! Оказывается, у нас шпион! Я слышала, что ты заперла Вэй Ю, но Вэй Сянь предал тебя из-за этого? Какая смелость! Даже если он и спрятался в дворе Жунли, я обязательно отомщу ему за тебя!

Госпожа Синь, услышав, что дочь нашла виновника, вспомнила, как Гу Чжису потребовал тех двоих, и тогда она подумала, что это по воле Старой госпожи. Теперь она начала подозревать, что Гу Чжису воспользовался этим, и вдруг подумала: знала ли Старая госпожа об этом? Но она всё же помнила, что Гу Хайтан — её законная внучка, и Старая госпожа не стала бы вредить ей. Однако в её сердце всё же легла тень глубокого сомнения.

— Но ты слишком вспыльчива. Хотя госпоже и следует быть властной, нельзя слепо доверять служанкам! Помни, в человеке всё не так просто. Если бы ты была осторожнее, тебя бы так легко не поймали, и сейчас Гу Чжису, та мелкая тварь, не могла бы спокойно дышать!

— Да, Хайтан запомнит наставления матери.

Гу Хайтан уловила в словах матери недовольство тем, как она обошлась с Вэй Ю, и, чувствуя себя обиженной, поджала губы и тихо возразила.

<http://bllate.org/book/16652/1525819>